

18+

КОНСТАНТИН ШАХМАТОВ

Вятский сыщик Михаил Салтыков

ВОРОНА КАЙСКАЯ

Константин Шахматов

**Вятский сыщик Михаил
Салтыков. Ворона кайская**

«Издательские решения»

Шахматов К.

Вятский сыщик Михаил Салтыков. Ворона кайская /
К. Шахматов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986372-0

Ворона кайская — очередной захватывающий эпизод из жизни и деятельности советника Вятского губернатора Михаила Евграфовича Салтыкова. Пытаясь честно и объективно разобраться в причинах крестьянского бунта, возникшего на одной из отдаленных окраин обширной Вятской губернии, молодой чиновник и по совместительству следователь вынужден также пересмотреть собственные представления о таких понятиях как чужой долг, собственная честь и купеческое достоинство.

ISBN 978-5-44-986372-0

© Шахматов К.
© Издательские решения

Содержание

ВОРОНА КАЙСКАЯ	6
глава первая	7
Сентябрь 1852 года. Вятка	7
Семь дней спустя. Вятка	10
Три дня спустя. Кабинет губернатора Семенова	13
Глава вторая	17
Лето 1852 года. Слободской уезд. Трушниковская волость.	17
Даревня Нелесово	
Пару недель спустя	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вятский сыщик Михаил Салтыков Ворона кайская

Константин Шахматов

© Константин Шахматов, 2025

ISBN 978-5-4498-6372-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОРОНА КАЙСКАЯ

глава первая

Сентябрь 1852 года. Вятка

Кинув прислуге пальто, Михаил взбежал по широкой лестнице на второй этаж. Ему не надо было ничего объяснять и показывать в этом доме. В нем он бывал много раз. Прежде здесь квартировал бывший вице-губернатор Сергей Александрович Костливецов, лицейский однокашник и хороший товарищ. Теперь же обитал новый, – Апполон Петрович Болтин с супругою и двумя очаровательными дочками.

– Лиза, Аннушка, я здесь! – воскликнул чиновник, пробегая огромную гостиную насквозь и останавливаясь перед комнатой девочек.

– *C'est moi, grand et terrible loup gris!* – повторил он на французском и постучал.

Через секунду дверь в девичью отворила сама вице-губернаторша и, увидав Михаила, чуть нахмурила брови.

– Ах, извините мою бестактность, Екатерина Ивановна, – спохватился Салтыков, – Прямиком со службы. Там за день так, знаете ли, накричишься, что совсем в привычку входит кричать.

– Здравствуйте, Михаил Евграфович, – ответила та, подавая ручку, – Моя мамзелька прихорашивается.

Через оставленную щелочку Михаил успел заметить, как девочки мечутся по комнате, меряясь платьями.

– Вы на урок к Лизоньке?

– Да, – улыбнулся Михаил, пряча за спиной маленькую коробочку.

– Что же, – молвила Екатерина Ивановна, жестом предлагая ему сесть.

Супруга Вятского вице-губернатора Екатерина Ивановна была на шесть или семь лет старше Салтыкова. Однако, на первый взгляд ей никто не давал больше тридцати. Даже после появления на свет ее прелестных двойняшек, мадам Болтина все еще выглядела блестяще и вызывала заслуженное восхищение. Особенно хороши были ее грация и манера объясняться с окружающими. И, что вероятнее всего, все эти качества были дарованы ей от природы. Впрочем, вполне заслуженно, ибо маменька непременно поделилась оными со своими дочками. И обе дочери Екатерины Ивановны были так же прелестны. Салтыков, в первые дни знакомства, даже и не знал на которой из них остановить свой выбор. Аннушка отличалась умом и восхищала эрудицией, а Лизонька бесподобно пела и виртуозно играла на фортепьяно.

– Вы чем-то озабочены, Екатерина Ивановна? – спросил Салтыков, уловив на лице женщины чуть заметную тень.

– Да как вам сказать, – пространно изъяснилась та, – Можно ли верить всему, что передается из уст в уста в этом маленьком городе.

Чиновник насторожился.

– Я не понимаю вас, Екатерина Ивановна. О чем речь?

Мадам Болтина, как бы извиняясь собственных экзистенций, осторожно произнесла:

– Мне Апполон Петрович сказывал, будто у вас платонический роман с Натальей Николаевной.

Салтыков аж отпрянул. Его бросило в жар.

– Я могу предположить, что все это *mensonges et potins*, но принимая во внимание наши с вами дружеские отношения, полагаю услышать от вас правду.

Екатерина Ивановна изучающе смотрела на Михаила. В ее глазах не было ни злобы, ни подозрительности, когда уже все решено заранее. Только щемящее чувство обиды и страх возможного разочарования в еще одном представителе здешней фауны.

У Салтыкова кольнуло в груди. Неужели и в этот раз все пойдет прахом, подумал он. Неужели и в этот раз все его светлые мечты рухнут под тяжестью непоправимых обстоятельств. Он хотел сказать, что все это грязные сплетни, но не мог произнести и звука. Ведь часть слушков была не так далека от истины.

– Могу ли я вам доверять? – продолжала вице-губернаторша, вгоня чиновника в краску, – Вы общаетесь с моими девочками.

– Я должен извиниться перед вами, Екатерина Ивановна, – с дрожью в голосе произнес Михаил.

– Все-таки есть за что?

– Возможно, – пожал плечами чиновник, стыдясь самого себя, – Поверите вы мне или нет, но Наталья Николаевна Середа стала для меня второй матушкой, когда я оказался в этом городе совершенно одинешенек. Она сделала для меня много добра. Убедила в том, что жизнь продолжается. И единственная моя вина в том, что я, быть может, всей душой воспылал благодарственным чувством к ней.

– Это все слова, Михаил Евграфович, – помолчав, говорила мадам Болтина, – У меня подрастают дочери. Скоро женихи появятся. А ежели не появятся, то только потому, что их безупречная репутация порушена сомнительными связями.

– Между нами ничего не было, – прошептал Салтыков, и добавил после, – в физическом смысле. Только чувства. Платонические чувства.

Екатерина Ивановна взяла Салтыкова за руку и, чуть приблизившись, проникновенно молвила:

– Я мать, и прекрасно вижу, что происходит с моей Лизонькой в последнее время. И это не потому, что она взрослеет или ищет для себя новых эмоций. Я так же замечаю, с какой неподдельной добротой и нежностью вы смотрите в сторону моей дочери. Хотя и пытаетесь скрыть это за выдуманными уроками музыки или разговорами о прочитанных книгах. Зачем вы так поступаете? Вы хотите разрушить наше моральное благополучие?

– Отнюдь!

– Тогда чего вы добиваетесь? Я и Апполон Петрович, и без того, хорошо относимся к вам. Да, у вас были непонимания с моим супругом, но это в прошлом. Ужели вы вознамерились мстить?

– Я далек от этого, Екатерина Ивановна. Мсть – ниже моего достоинства. Единственная причина, по которой я зачастил в ваш дом, это...

Салтыков замолчал. Он вовсе не желал говорить этих слов сейчас, потому как сам еще толком не определился в чувствах. Да, ему нравилась Елизавета. Поначалу, то была лишь симпатия и ничего больше. Потом, неизвестно по какой причине, он все чаще стал мысленно обращаться к ее наивному детскому образу. На службе ли за бумагами, в бесконечных командировках, оставаясь дома один. Все это невозможно объяснить словами, но случилось то, что случилось.

– Мне нравится ваша Лиза, – негромко произнес Михаил, сжигая мосты.

Екатерина Ивановна отпустила руку и выпрямилась, пытаясь осознать услышанное.

– Не знаю, каким еще способом я могу доказать вам свою искренность. Но все, что я говорю вам – есть правда, – добавил юноша.

Очевидно, вице-губернаторша боролась с раздирающими ее чувствами. Она судорожно сжимала и разжимала в пальцах кружевной платок, прикасалась им ко лбу, смахивая невидимые капельки, устремляла в сторону полный душевных переживаний и терзаний любящего

сердца взгляд. Наконец, посмотрела на Салтыкова, и ее серые глаза выражали такую надежду и тоску, что Михаил схватил ее руку и припал к ней губами в отчаянном поцелуе.

– Ах, Миша! Как бы я хотела видеть перед собою честного, порядочного, целеустремленного человека, который в ближайшем будущем мог стать прекрасной партией для моей дочери, – качая головою, произнесла Екатерина Ивановна.

– Я целиком ваш, Екатерина Ивановна! – воскликнул чиновник.

Но слова, что в следующее мгновение услышал Салтыков, повергли его в шок.

– Избавьте нас от этих сплетен, Михаил Евграфович. Тем более, ежели все они – ложь. И только в этом случае двери нашего дома будут для вас открыты.

– Но, как?! – вскричал Михаил в отчаянии.

– Не знаю, – ответила женщина, – Решайте сами.

Отрешенно, будто бы все это происходило не с ним, Михаил поставил на стол предназначенную для Елизаветы Апполоновны маленькую бархатную коробочку, медленно встал, направляя за полы задравшийся вицмундир и, кивнув в сторону Екатерины Ивановны со словами «позвольте откланяться», понуро побрел прочь.

Внизу он принял из рук камердинера пальто и вышел на улицу. И только здесь чувство несправедливой обиды адским костром обожгло его внутренности, а в горле застрял тошнотворный предательский ком.

Тем временем в гостиной появилась Лиза.

– А где Мишель?! – воскликнула она, увидав сидящую в одиночестве маменьку.

– Только что вышел, – отвечала Екатерина Ивановна, промокая платочком краешек глаза, – У Михаила Евграфовича появилось неотложное дело. Кстати, перестань называть его Мишелем. Он много старше тебя, и это неприлично.

– Жалко, – расстроилась девочка, – А мы как раз сегодня хотели разучить терцию...

– Не переживай, Лизонька. Он еще явится.

– Когда же?

– Завтра, ... быть может, – ответила мать.

– А это что? – удивилась Лиза, подойдя к столу.

– Михаил Евграфович оставил.

– Для меня?! – обрадовалась девочка.

– Должно быть, подарок.

Семь дней спустя. Вятка

«Д. Е. Салтыкову

Извини меня, любезный друг и брат, но не могу не поделиться с тобою нынешним чрезвычайным происшествием. Знаю что это плохо, всякий раз посвящать тебя в неприглядные стороны моего существования в этом проклятом захолустье, но ничего не могу поделать, так хочется поделиться.

Представь себе, вокруг меня кляузники и предатели, в окружении которых и рта нельзя раскрыть, а тем более что-то предпринять, как тут же возникают о тебе такие нелепейшие сплетни, что лучше и не знать о них вовсе, а тем более бороться с ними, повергая себя тем самым в пучину еще больших небылиц и злоключений....

Сегодня 3-м часу дня вернулся из Слободского (был там по ревизским делам городской управы). Прямоком в правление. Глядь, на столе два письма от известной тебе особы. Бросился спрашивать, кто принес, – никакого ответа. Лишь один регистратор сказал, что письма оставил некий чиновник, проездом из Оренбурга в столицу, что ждал меня с самого утра, да так и не дождался – спешил ехать дальше. Фамилии своей, конечно же, не назвал... И самое возмутительное в том, что конверты были вскрыты! Кто это сделал и зачем, теперь не узнать, но содержание писем стало известно, буквально, всем. Смею утверждать так же, что некоторые эпизоды из них дошли и до губернатора. А учитывая наши натянутые с ним отношения, вряд ли сие обстоятельство добавит авторитета в его предвзятом мнении обо мне. Ведь тем же вечером я узнал еще одну новость о себе самом, причем, от самого Наиглавнейшего: будто бы переводят меня в Уфу на ту же должность – советником губернского правления. С чем он меня и поздравил, опережая события.

Вот тут я задумался, брат мой, ведь вся переписка на эту тему, ранее с Перовским в Оренбург, а теперь с Ханыковым в Уфу происходила частным порядком, через людей, которым я решительно доверяю. Точно так же, как я не могу усомниться в твоей честности, передавая через тебя свои письма к Наталье Николаевне. Кстати, м-м Середа, находясь в Оренбурге, так же хлопотала за мой перевод перед тамошним начальством. И об этом можно было бы узнать, только прочтя письма. Вот я и думаю: ужели не в первый раз читают? Ужели некоторые из них и вовсе не дошли до моих рук?

Но, хватит о грустном. Думаю, как человеку, посвященному в мои тайны, тебе будет не безынтересно узнать, как обстоят дела у нашей м-м Середы в преддверии скорбной годовщины по ее мужу Акиму Иванычу. Пишет она, что живет хорошо, что оба сына, отданные по военной линии в кадетский корпус, успешно учатся. Особенно умиляется Николаем, переведенным из столицы к ней в Оренбург – так он становится похож на своего отца, вылитая копия.

Пожалуй, на этом и кончу. Не хочу утомлять своим нытьем и жалобами. Прошу тебя лишь перецеловать всех своих деток, а так же передать мой искренний братский поцелуй сестрице Аделии. Желаю тебе всего лучшего и прошу не забывать искренно любящего тебя

М. Салтыкова.»

Складывая письмо, Михаил увидал, как подъехала к особняку коляска, как выпрыгнул из нее Минх с товарищем и как направились они в дом, обивая в сенях прилипшую к сапогам грязь. Старый Платон, спохватившись, что не закрыл на дверях щеколду, бросился преградить путь визитерам, но приятели уже стояли на пороге, хмурые и озадаченные предстоящим событием.

– Здоровались уже, – кивнул вместо приветствия титулярный советник.

Салтыков кивнул в ответ.

– Здравствуй, Миша, – поздоровался пришедший с другом секундант со скромной фамилией Иванов.

– Ну, а где твой помощник, – буркнул Минх, оглядев комнату и остановив свой взгляд на растрепанном камердинере, – Этот, что ли?

– Нет. Сейчас пожалуйет.

Владислав Алексеевич искал глазами куда бы сесть и, не найдя ничего лучшего, облокотился на секретер, побрезговав продавленным диванчиком у стены.

– Как у тебя тут, – не закончил он фразы, как появился Василий Ефимыч, запыхавшийся, и в промокшем плаще.

– Господа уже в сборе!?! – воскликнул он, отряхивая шляпу, – А я все гадал, опоздаю к началу или нет. Время-то позднее.

– Да уж, – хмыкнул Минх, – ежели господину Салтыкову вздумалось бы сей час стреляться, то это выглядело бы весьма затруднительно. В такую-то темень.

Круковский изобразил на лице некую пародию улыбки на незадавшуюся шутку чиновника и, пройдя к столу, кивнул Михаилу:

– Евграфыч, готов ли?

– Готов, – твердо сказал Салтыков, пряча конверт в ящик стола.

Дядька Платон хлопнул себя по ляжкам и скрылся в кухне, там и закрывшись.

Шутка по поводу «стреляться» была и в самом деле не смешной, потому как могла воплотиться на практике. Каких-то пару часов назад Салтыков уличил в разжигании слухов того самого Минха, став случайным свидетелем омерзительного разговора. Компания чиновников стояла на улице, ожидая извозчика, а сам Михаил только что выходил из канцелярии, собираясь домой. Владислав Алексеевич, смеясь и жестикулируя, говорил приятелям:

– А наш-то, Монрепо¹, перевода в Уфу ждет не дождется! Уж кого он там соблазнил, на сей раз, доподлинно не известно, однако дело настолько решенное, что сам Наиглавнейший уже помогает ему собирать чемоданы и крестит в спину!

– А как же он мог соблазнить кого-то в Уфе, когда сам здесь? – недоумевал один из слушателей.

– Мог! – восклицал Минх, – Заочно и письменно! Он ведь и на это мастак! Кто-нибудь читал тот роман, за который его сюда выслали? Нет?

Все присутствующие отрицательно замотали головами:

– Нет, не читали, не было случая.

– Ну-у, Бретонна-то читали наверняка? – не унимался негодяй, – Только не говорите, что нет!

Титулярный советник нагло ухмыльнулся, обводя зевак взглядом дракона-искусителя:

– Тогда с полной уверенностью могу сказать, что тот и другой...

Тут все увидели Салтыкова. Минх, осекшись на полуслове, покраснел и замолк. Михаил подошел к сплетнику и при всех бросил в него перчатку. Перчатка ударила тому в грудь и, отскочив, шмякнулась в грязную лужу. Минх покрылся стыдливими пятнами и застыл как вкопанный.

– Стреляться, – не своим голосом произнес Салтыков.

– Изволь, Михал Евграфыч, – тихо ответил тот.

– Сегодня же.

Перчатку, чтобы передать ее обратно Михаилу, никто из чиновников поднимать не стал. Салтыков, тоже. Наверное, она и сейчас там валяется.

¹ Прозвище Салтыкова.

– Итак, господа! – объявил Круковский, – Как старший по чину, стреляться я вам запрещаю! И это без возражений. Времена нынче цивилизованные, просвещенные, требующие иных решений проблемы. Посему, предлагайте сами.

– Кулачный бой, – буркнул Салтыков.

Минх, все еще стоявший у секретера, хмыкнул. Его товарищ удивленно вскинул брови.

– Михал Евграфыч, я все понимаю, конечно, – возмутился Иванов, – но драться на кулаках – несолидно как-то. Сие занятие, скорее, для мужиков. К тому же, где мы устроим бой?

– Мне все равно, – отвечал Салтыков.

– Прямо здесь, – перехватил инициативу Круковский, – Можем на крыльцо выйти. Камердинер нам посветит.

– Вы издеваетесь?! – воскликнул, не выдержав, Минх.

Его новый с иголки полуфрак сидел как влитой, соблазняя господ блестящей посередине пуговицей. Полосатые брюки, с наведенными стрелками, кричали о скором выходе в свет.

– Ничуть, – парировал Круковский, – Было бы желание обелить свое честное имя. Ведь вы хотите оправдаться, Владислав Алексеевич?

Минх, расстегивая на животе пуговицу и оправляя цветастый атласный жилет, устало вздохнул и опустился на обшарпанный диванчик, давая понять, что смирился с такой нелепой ситуацией.

– И что вы предлагаете, Василий Ефимович? – спросил он.

Круковский вопросительно взглянул на Салтыкова, потом на Минха. Потом почесал затылок, раздумывая. Затем произнес таким тоном, будто бы ему не оставили выбора:

– Предлагаю карты. Сейчас поедem в клуб. Сыграем три партии бостона. Проигравший прилюдно называет себя ослом, и оставшийся вечер прислуживает посетителям.

– Согласен, – удрученно выдохнул Минх, вставая с дивана, – поехали.

По озабоченному лицу Владислава Ивановича было заметно, что он уже заранее готовил себя к проигрышу. По части карт он вряд ли мог тягаться с Михаилом Евграфовичем. А еще он хотел как можно скорее закончить это неприятное дело, в котором сам же и был виноват, так, впрочем, опрометчиво.

– Однако, – облегченно протянул Иванов.

Три дня спустя. Кабинет губернатора Семенова

– Ну, что там с лесными дачами? Докладывай!

Николай Николаевич Семенов, отвернувшись к окну, разглядывал опрокинувшуюся на перекрестке телегу с раскатившимися по мостовой бочками. Одна из бочек остановилась возле чугунного крыльца губернаторского дома, а растерявшийся возница, вместе с постовым, пытался откатить ее обратно, дабы очистить тротуар для немногочисленных прохожих. Оставленная без присмотра лошадь брыкалась, пытаясь освободиться от перекошенной сбруи, сдвинула назад, грозя вывалить оставшиеся две на дорогу и разбить их вдребезги.

– Чего стоишь, болван ты этакий! – воскликнул, не выдержав, губернатор, – Помог бы лучше! Эх, раз-з-зява.

Салтыков, ожидая когда обратят внимание на него, стоял смирно, держа наготове рапорт. То, что начальник губернии встречал подчиненного спиной, говорило о его плохом настроении. Это так же могло означать, что Наиглавнейший до сих пор зол на коллежского асессора, хотя времени с его последней аудиенции прошло достаточно.

Наконец, Семенов отошел от окна и сел за письменный стол.

– Чего молчишь? Докладывай, говорю.

Чиновник положил на стол бумаги и начал:

– Как вы прозорливо предполагали, Ваше превосходительство, на лицо самовольные вырубki и попытки арендатора скрыть следы преступления множественными поджогами.

– Так я и говорил, – довольно хмыкнул губернатор, – откуда же быть лесным пожарам в такую-то пору? Почитай, весь сентябрь – проливные дожди.

– Осмелюсь уточнить, Ваше превосходительство, как удалось выяснить, лес поджигали в августе. Тогда жара была.

– Ну, это частности, – нахмурился Семенов, – И сути не меняет. Ты виновных нашел?

– Так точно-с. Поджигатели – местные крестьяне. А командовал ими помещик Крестовский, арендатор участков. Отрывал мужиков от полевых работ, платил им три цены, только бы следы замести.

– И кто он таков? Не из нашенских? Что-то не припоминаю.

– Нет, Ваше превосходительство. Саратовский.

– Эко его занесло к нам!

– Дом для дочери строит. Выдал замуж, теперь вот...

– Ладно, – поморщился Семенов, – У самого такая на выдане. Все ковыряется – тот не мил, этот не этот... Ты в бумагах все написал?

– Да.

– Разберусь.

Николай Николаевич отрешенно смотрел куда-то в сторону и в задумчивости покручивал на пальце массивный золотой перстень с бриллиантами. Салтыков, полагая, что на этом аудиенция закончена, хотел было удалиться, но губернатор опередил его.

– Знаешь, что это? – неожиданно спросил он, подняв кверху палец.

– Никак нет, Ваше превосходительство.

– Подарок Государя Императора. За честную службу и особые заслуги перед Отечеством. Салтыков кивнул, отдавая должное заслугам губернатора, какими бы они ни были.

– И знаешь что? – продолжал Семенов, только теперь удосужив подчиненного взглядом, – У меня и второй такой есть. Только с другим камешком.

Салтыков хмыкнул.

– И знаешь, почему я не ношу оба одновременно?

– Нет, Ваше превосходительство.

– Воспитание не позволяет, совесть мучает. А несведущие люди и дураки, не весть что обо мне думают. Вот как ты, например. Я тебя спрашиваю, а ты отвечаешь: не зна-аю. Помнишь, когда я давеча ругал тебя за расплзающиеся слухи о сомнительных похождениях. Ты что мне ответил?

– Не ваша забота.

– Вот именно! Твоя гордыня и скверное воспитание прямо-таки рвутся наружу, замещая другие качества. Получить хорошее образование, выделиться по службе – это еще не все. Я, может, тоже романы пишу! И стихи на французском сочиняю!

Салтыков усмехнулся.

– Но я же не лезу с ними в печать! – Семенов стукнул кулаком по столу так, что коллежский асессор вздрогнул, – И не кричу на каждом углу о своей неподкупности, а уж тем более – не противопоставляю себя обществу, вот, мол, какой я особенный. Отнюдь! Я просто выполняю возложенные на меня обязанности. И не плачу: как мне плохо! как мне трудно! меня никто не любит!

– Так что мне теперь делать?

Николай Николаевич встал из-за стола и подошел к погрустневшему чиновнику.

– Ты еще не понял, голубчик?

– Нет.

– Работать и перевоспитываться. За этим тебя сюда и выслали. Ведь получается так, что сам Государь Император озабочен твоей правильной жизнью не меньше тебя самого. Как бы парадоксально это не прозвучало.

– Я работаю, – обиженно проворчал Салтыков.

– Я вижу, – буркнул губернатор под нос, – По части оболыщения замужных дамочек.

Повисла неловкая пауза. Салтыков молчал, опустив голову. Начальник губернии задумчиво прохаживался по кабинету, заложив руки за спину.

– Впрочем, – прервал молчание губернатор, – У тебя есть возможность реабилитироваться. Кажется, сама судьба заинтересована в твоём перевоспитании. К тому же, всякий раз находятся люди, которые хлопчут за тебя, искренне желая твоего исцеления.

– Я весь внимание, Ваше превосходительство, – отрешенно произнес Михаил.

Николай Николаевич изучающе просмотрел на чиновника, словно бы оценивая его возможности. Может статься, что губернатор остался-таки недоволен увиденным, но более вероятно и то обстоятельство, что ничего другого в данной ситуации ему просто не оставалось.

– Ну, вот что, голубчик, – сказал он, – Специально для тебя важное поручение. И далеко от дома, и времени на размышления хоть отбавляй. По Слободскому тракту скатаешься.

– Это куда?

– В Кай. Фон-Людвиг отрапортовал, что беспорядки там. Справишься, – так и быть, помиримся. Еще и к ордену тебя представлю, ...наверное.

– Хорошо, – вздохнул Салтыков.

– И помни, что я тебе сказывал, – кивнул губернатор.

Потратив остатки рабочего дня на утрясание канцелярских дел и получение командировочных, он так и не успел ничего предпринять в отношении дел сердечных. Крах в affaires

d'amour² был так некстати. Уезжать с разбитым сердцем – самое плохое, что можно выдумать. И что подумает про него Лиза, терзаясь в неведении относительно его, Михаила, внезапном исчезновении? Может, написать ей? Хоть пару строк. Запрета на письменные послания от Екатерины Ивановны, кажется, не было.

Салтыков сел за стол, выбрал приличное перо, и открыл чернильницу. Он мучительно трудно подбирал слова для объяснения с девушкой, отчего его нервно потрясывало.

«Милая Бетси, – начал он, стараясь делать свой почерк как можно разборчивей, – Скорее всего, нам не удастся встретиться до моего отъезда в очередную командировку, поэтому спешу принести свои глубочайшие извинения и написать пару строк в свое оправдание...»

Нет, не так! Михаил задержал на минуту дрожащую руку. Бедняжка может не знать о его недавнем разговоре с Екатериной Ивановной. Скорее всего – так и есть. Прозорливая мать пощадит чувства дочери и оставит в неведении относительно выдвинутого молодому чиновнику ультиматума. Право, зачем лишний раз волновать впечатлительное создание, нанося ей душевные травмы? Ведь все преступления, в которых пытаются обвинить его, Михаила, еще не доказаны. Извиняться перед Лизой нужно в другом.

«Дела службы, – продолжил Салтыков, – вынуждают меня оставить Вятку на неопределенное время. Но обещаю, однако, нет, жертвенно клянусь, что не позволю тебе состариться и покрыться морщинами прежде, чем моя нога снова ступит на порог твоего дома. Я так уверен, что очередная командировка окажется необременительной и, через неделю, или около, ты вновь увидишь в своей гостиной цветущего и улыбающегося Мишеля, дабы с интересом выслушать очередные захватывающие рассказы о новых землях и пережитых волнениях...»

Салтыков вытер рукою пересохшие губы. Трудно держать мину при скверной игре. На душе, мало того, что скребли кошки, они там еще умудрились нагадить. Нагадить, и растереть в виде нелепейших сплетен о его, якобы, похождениях. Ну, что может стоить пара невинных поцелуев в щеку; несколько высказанных на людях признаний в любви и всецелой преданности; вечерняя прогулка в парке с женщиной, на много старше тебя? Ничего, ровным счетом! Разве что снисходительной улыбки во след, или дружеского похлопывания по плечу, мол, давай, брат, не посрами. Но, нет же! Заскучавшему обывателю надобно сделать из этого *acte honteux*³, выходящий за всякие рамки приличия... Вздор! бред! ненавижу!

«Ах, да! – спохватился он, – Чуть не забыл! Передала ли тебе любезная матушка мой маленький *cadeau*⁴, что так поспешно был оставлен мною на столике? Дела, не терпящие отлагательств, потребовали моего беспардонного исчезновения, за что я и вынужден просить у тебя прощения. К тому же мы, кажется, планировали устроить урок музыки, который так же не состоялся по причинам от меня не зависящим. Прости и за это. Смею надеяться, что других упущений с моей стороны не предвидится.

Итак, до скорой встречи, моя милая Бетси.

Твой навеки Мишель.»

– Гришка! – позвал Михаил.

Из боковой комнаты появился второй камердинер Григорий, в помятой рубашке с расстегнутым воротом. В руках он держал влажное полотенце.

– На-ка, вот письмецо! Отнеси сей час в дом вице-губернатора.

– Не поздновато ли? Вечереет.

– Ничего не поздно! Письмо срочное. Для Елизаветы Апполоновны.

² любовные дела (фр).

³ Постыдный поступок (фр).

⁴ Подарок (фр).

– Вот еще, развлечение, – проворчал камердинер, вытирая о рубаху мокрые руки, – в ночную слякоть через пол-города топтать. Я же только воду нагрел, чтоб компресс ставить!

– Не ворчи, каналья, – насупился Михаил, – Ступай. Я сам справлюсь.

В боковой комнате, тем временем, кашлял и постанывал на своем топчане хворый Платон. Его мучала жаба⁵, и Гриша, узнав о срочной командировке хозяина, принялся срочно ухаживать за больным со всем присущим ему рвением.

– Платон, ты как? Держишься?

– Да, барин, – прохрипел Платон, – Жив еще.

Надо бы им денег оставить, – подумал чиновник, устраивая на горле у старика горячее полотенце, вощеную бумагу, и клочок шерстяной ваты, – рубля три. Микстуры нынче дороги. Да все на спирту. Как бы подлец Григорий сам не выпил.

⁵ Ангина, устар.

Глава вторая

Лето 1852 года. Слободской уезд. Трушниковская волость. Даревня Нелесово

Ворота сарая трещали, готовясь рухнуть под натиском напирющей с улицы челяди... Городской голова Гурдин беспомощно скользил ногами по земляному полу, усыпанному грязной соломой, и кричал:

– Да не копайся ты, ... Василич! Давай скорее!

Становой пристав лихорадочно метался в поисках кочерги или оглобли, чем можно перебить дверь. Ничего подходящего, однако же, не находил, поэтому кричал в ответ:

– Нету, Ваня, мать твою! Ни бревна, ни черта лысого!

Гурдин, упершись другим боком, постарался дотянуться высвобожденной рукою до деревянной лопаты, стоящей у стены.

– Вот зараза! Знал бы заранее, что так получится, ни за чтоб не поддался на твою агитацию: поехали, мол, не деньгами, так сеном оброк возьмем!

– Так, значит, я виноват, да?!

– А кто?! – вопил Гурдин.

– Нет уж, дудки! Мужики тебя побьют, а я представитель власти. Меня и пальцем не тронут.

– Как же! Плевать им на твою власть! Не видишь, – это бунт!

Толпа снаружи отлегла и все стихло. Бунтовщики отошли в сторону и стали держать совет. До укрывшихся в сарае доносились лишь отдельные фразы, но целого разговора было не разобрать. Впрочем, планы охочих до расправы крестьян были понятны без слов.

– Совещаются, – прошептал пристав, – Что-то будет.

Гурдин, прищурившись одним глазом, пытался разглядеть хоть что-нибудь через узкую щель меж досок, но дальше сажени не видел. Из толпы зевак, состоящей так же из деревенских баб и ребятишек различного возраста, отделился семилетний пострел, подбежал к сараю и плюнул в то самое место, откуда выглядывал Иван Дмитрич. Городской голова резко отпрянул от ворот, ударился затылком о невысокую балку, и сел на пол.

– Падлюка-а-а! – простонал он, вытирая глаз.

– Это только начало, – злорадно усмехнулся пристав.

– Молчи лучше! – огрызнулся Гурдин.

– Эй, вы! – донеслось снаружи, – Выходите оба! Иначе сожжем сараюшку!

– Зачем жечь-то! – прошептал голова, поспешно поднимаясь на ноги.

Перспектива оказаться поджаренным за три осьмушки сена его не устраивала.

– Здесь люди, православны-я-а! – завопил он не своим голосом, – Не губите, Христа ради-и!

Голенищев от крика вздрогнул. Он понимал, что мужики вряд ли решаться на поджог, иначе всю деревню спалить можно, а вот угроза физической расправы и кровавого беспредела перед ним красочно замаячила. По большому счету – черт с ним, с Гурдиным! – рассуждал пристав, – Возмещение оброка – его проблема! Мне бы самому выпутаться. И единственным шансом для спасения, хотя, довольно призрачным, оставался факт присутствия среди бунтовщиков сына деревенского батюшки Ильи Поклонова. С ним он водил некое подобие дружбы, и неоднократно пил водку в городе.

А Гурдин, прильнув к воротам, продолжал вопить:

– Бес попутал, граждане мужики! Я оброк с вас теперича не требую и от арендных земель отказываюсь! Смилуйтесь, любезны-я-а!

– Ну, да! – раздалось в ответ, – Заливай, да меру знай! На что надеялся, злыдень? Одних подвод пригнал дюжину! Хотел чужим сеном грузить? Мы их тоже спалим! Будет тебе потеря!

Гурдин, выслушав мужиков, снова открыл рот, но Голенищев схватил его за рубаху и оттащил вглубь сарая, отстранив, таким образом, от переговоров.

– Илья! Ты что ли тут командуешь?! – закричал пристав.

– Я! – последовал ответ.

– Узнаешь?

– Василич? – раздалось неуверенно.

– Да, Илья! Собственной персоной!

– А я думал, померещилось мне! – в голосе ответчика прозвучал сарказм.

– Пьяный ты что ли?

– Не-а! Трезв как стеклышко!

– Тогда выпусти!

– Так выходи, кто тебя держит!

– Ага! Вы меня бить будете! – ответ пристава прозорливо отвергал другие варианты развития событий.

Тишина. Через какое-то время незнакомый голос, и уже явно не Ильи Поклонова, отвечал становому фальцетом:

– Ну, для порядку ...разве! Поколотим маненько.

– Понятное дело, – хмыкнул Голенищев, – такой случай подвернулся.

Становой повернулся к Гурдину. Голова сидел на ворохе сена и вытирал со лба пот. Его вид был плачевен. Шелковая рубаха порвана; бархатная жилетка, до того чистая и перетянутая поперек пуза серебряною цепочкою – заляпана грязью; атласные шаровары разорваны с боку от колена до самого низу; хромовые сапоги топорщились гармошкой и походили на чумазные самовары.

– Что, брат, сдаваться будем? Надеюсь, до смерти не забьют.

Гурдин устало пожал плечами и даже не взглянул на пристава.

– Эй, Илья! Поди, че скажу-то! – позвал Голенищев.

Тут же из-под самых дверей раздался голос молодого Поклонова:

– Говори, Василич.

– Ты, ...это, – начал пристав, – ежели меня пальцем тронете, я вам припомню.

– Тут такое дело, – неуверенно отвечал Поклонов, – мужикам пар надо выпустить. Накипело. Ты уж не сердчай, но я поперек народу не пойду. Извиняй, ежели что.

– Илья, ...сучий потрох! – закричал Голенищев, срывая ногти о деревянный засов.

Поздно. Поклонов отошел от ворот и командовал толпе:

– Давай, мужики! Выноси ворота!

Бунтовщики, держа на плечах здоровущее бревно, ринулись на хлипкий сарай и снесли его вместе с воротами. Илья Поклонов, усмехаясь, стоял в сторонке и наблюдал за процессом расправы над городским головой и представителем власти. Его форменное пальто с петличками служащего резко выделялось на фоне мужицких азамов с заплатами.

Пристав, получив пару тройку пинков по мягкому месту, был с позором изгнан. А вот голову со двора не выпустили: обступили со всех сторон и возили теперь в пыли, отвешивая тумачи да затрещины.

– Хватит уже! – вступился за несчастного подоспевший только что местный авторитет Ерофей Дудихин, – Убьете, не дай Бог.

Плотник Ерофей имел в среде мужиков неоспоримый вес. Он был высок ростом, да и силою не обижен. Никому и в голову не приходило с ним спорить.

– Ладно, – загудела толпа, – Жаль руки о кровопийцу пачкать! Да пошел он на все четыре стороны! Хрен больше сунется!

– А вы погодите, ребята, – вставил свое слово Илья, – Пущай бумагу подпишет, что претензий к нам не имеет и от оброчной статьи отказывается. На бумаге-то оно надежнее, чем на словах. Правда, ведь?

– Правда, правда, – закивали селяне.

– Дело-то серьезное получается. А вдруг эта сволочь в суд побежит, побои снимать?

– И то, правда, – зачесались мужики, – Чегой-то мы не подумали. Свяжем его, и в амбар.

– Ты как, Ерофей? – Поклонов ткнул Дудихина в бок, – Возьмешь на постой оброкодержателя? Ишь, как мужики на него зыркают. Не доглядишь – пришибут, чего доброго. А комиссия из уезда примчится вскорости, так и выпустим.

– Ой, ли? – прищурился Дудихин.

– Прибудет, дай срок, – кивнул Поклонов.

Гурдин, ожидая окончательного приговора, сидел на земле, вздрагивая плечами и размазывая по рубахе кровь. Он хлюпал разбитым носом и ошалело взирал на сгрудившихся вокруг него экзекуторов, не подозревая о своей дальнейшей участи.

– Ну что, Иван Дмитрич?

Илья принял молчание Дудихина как согласие.

– Милости просим на новую хату. Там, правда, не прибрано и мышей полно, в сарайчике, ...ну да ладно.

– Вот же, сволочи! Вот сукины дети! – фыркал становой, расплескивая воду и умываясь прямо из бочки на другом конце деревни, – Я этого не оставлю! Вы меня знаете!

Босоногая девчонка, уворачиваясь от шумных брызг, приплясывала рядом, держа наготове полотенце. Она с нескрываемым любопытством разглядывала побитого и растрепанного представителя власти, пытающегося привести себя в порядок. Особенно ее заинтересовали опечатавшиеся на спине и брюках следы пыльных сапог.

– Давайте, хоть, одежду почищу, – ехидно улыбалась девчонка.

Она, конечно же, понимала, как такое могло случиться – ее отец частенько появлялся в таком виде после деревенских праздников, однако, продолжала выказывать неведение.

– Некогда, – мотал головою пристав, ополаскивая шею.

– И где вас так угораздило? В канаву упали?

– Ты мне еще! – огрызнулся Голенищев, выхватывая полотенце, – Скажи отцу, чтоб коляску закладывал. В Слободской поеду. Быстро!

Бричка станового тряслась по дорожным ухабам в сторону Путейского.

Ну, погодите, черти! – ругался в полголоса Голенищев, – Посмотрим, какие вы песенки запоете, когда я исправника привезу. Вы мне за все ответите, мужичье неблагодарное.

Проселочная дорога ныряла в лес. Версты через две должна была появиться соседняя деревня. Голенищев планировал остановиться в ней и прихватить в дежурной избе кой-чего из провизии: путь в Слободской был неблизким.

– Здрасьте-пожалуйста! – воскликнул Николай Васильевич, и натянул вожжи.

В паре саженой от остановившейся лошади, ногами к дороге, сидел здоровенный мужик, опираясь спиной о дерево. Холщовая сумка с широкой кожаной лямкой, какие бывают у пастухов, лежала открытая рядом. Поверх нее – поеденное яблоко. Тряпичная шляпа с широкими полями надвинута на лицо, обветренные руки с аккуратно подстриженными ногтями сложены на животе. Выглядело все так, будто мужик долго ожидал кого-нибудь из попутно проезжающих, да и уснул в тенечке.

– Ей! – крикнул становой, не выходя из брички, – Любезный! Ты чего рассиживаешь? Не положено!

Сидящий под деревом даже не шелохнулся.

– Оглох, что ли?! – повторил с раздражением пристав, – Тебе говорю, проваливай!

Черная ворона, сорвавшись с высокой елки, неожиданно спикировала на Голенищева и взмыла вверх. Пристав подскочил, и выронил вожжи.

– Чертова bestия!

Оглядевшись по сторонам, словно бы опасаясь подвоха, Николай Васильевич бесшумно спрыгнул на землю и медленно, шаг за шагом, подошел к спящему. Он, конечно же, не боялся разбойников. В окрестных лесах их не было. Но в свете последних событий в Нелесово, так и жди подянки со стороны местных жителей.

– Ты кто? – спросил Голенищев, – Из местных? Что-то не припомню тебя. Как фамилия?

Мужик молчал.

– Пришлый? Справку покажи, ...или пачпорт. Ну!

Пристав пнул сапогом обутого в лапти бездельника. Тот, как набитый пшеницей мешок, медленно завалился на бок. Шляпа с мужика упала, открывая на суд Голенищева раздутое, иссиние-желтого цвета лицо.

– Мертвяк!

Становой запаниковал. Этого не хватало! Куда теперь с мертвяком-то!? ...Погодь. Надо бы его катомку глянуть, вот чего!

Николай Васильевич потянул холщовую сумку на себя. Так: еще два яблока; сапожное шило; сухие портянки; рубаха с заплатками; кнут; ага – жестяная коробочка, должно быть в ней справка или денежки.

Так и есть. На дне коробки сложенная вчетверо и потрепанная по краям бумажка, поверх нее – рубль мелочью. Пристав вытряхнул деньги в карман, бумажку вытащил и развернул, с трудом разбирая написанное: Иван Листратьев, крестьянин деревни Подуево, следует по месту жительства в Казанскую губернию, находился в (Л...) на излечении. Ясно, обычный бродяга. И хорошо что не местный, иначе скандалу не оберешься.

Лошадь, все это время спокойно стоявшая на дороге, повела ушами и фыркнула. Откуда-то издали послышались приглушенные бабьи крики:

– Марья-а! А-ню-тка-а! ау-у!

В ответ раздались такие же, но с другой стороны:

– Ау-у! мы зде-еся! Идите все к на-ам!

Нашли время грибы собирать, – ругнулся пристав. Чего доброго, на дорогу выйдут.

Голенищев хотел бросить все, прыгнуть в бричку и дать деру, но мысль о том, что так он создаст себе еще больше хлопот, остановила его. Загнав лошадь с коляскою в лес, становой вернулся обратно, подхватил мертвяка под мышки, и кряхтя от надсады (а мертвец был тяжелый), потащил от обочины в ближайšie заросли.

Что же делать, что же делать? – лихорадочно соображал Голенищев. Оставить как есть – медведи сожрут. Закопать? Так в лесу глубоко не закопаешь – корни одни, да и времени нет. Опять же, какие-нибудь волки выкопают и то же самое будет. Еще и кости разбросают. Уто-

пить? Так нет тут речки. Хотя, есть болото! Камень на шею, и в трясину. Никто не найдет. Ну а мне одной проблемой меньше. Без того неприятностей с избытком.

Взяв мертвеца за шиворот, пристав поволок его к болоту, но запах, исходивший от оногo, был решительно невыносим. Плюнув, Голенищев потащил несчастного за ноги, ругаясь на чем свет стоит. Ноги крестьянина Листратьева пахли не лучшим образом.

Остановившись у края болота, Николай Васильевич бросил ношу, в конец обессиливши. Господи, помоги! – взмолился он, – Прости мя грешного! Только бы камень какой, по-увесистей. Но камня нигде не было. А-а-а, и так сойдет! Пристав отпихнул в болотную ряску мертвое тело и закидал землей, замаскировав таким образом. Для надежности воткнул в него палку, пригвоздив, как он полагал, к илистому дну накрепко.

Покончивши с неприятными обязанностями, Голенищев, перекрестившись, поспешил в обратную сторону.

– Слава те Господи! Избавился. Ежели не найдут раньше времени местные, вернусь, когда с бунтом закончится.

Еле дождавшись убытия станового, ворона, выжидавшая случая, прыгнула с елки, смело перешла через дорогу и принялась доедать раскатившиеся по обочине яблоки.

За прошедший месяц, что Илья Поклонов вернулся из города, он без труда возобновил прежнюю дружбу со всеми жителями деревни, и укрепил репутацию славного малого. Местные еще помнили его мальчиком, поющим на клиросе; или же с фонарем в руках открывающим Пасхальных крестный ход. Не ребенок, а сущий ангел в белых одеждах. И все думали про него: чем не замена батюшке, когда тот уйдет на покой и передаст приход сыну. Однако же, никто не ожидал от мальчика блестящих талантов к наукам! В общем, девяти лет отроду Ильюшу отправили в город, на учебу, в которой он явно преуспел. Вместе с тем, открылись вдруг его другие способности. Подросток оказался строптив. Преподаватели часто ставили его на горox и угощали розгами, а директора видели в малолетнем шалопае будущего карбанария. Но, Бог миловал, как говорится. В конце концов Илья, как поповский сын, начал карьеру с первой (самой низкой) ступени служебной лестницы, – с переписки бумаг, за несколько лет добравшись до чина губернского секретаря. Что прервало его карьеру и привело обратно в деревню? Смерть матушки, случайная и бессмысленная.

Мать Поклонова попала под лошадь, когда переходила деревенскую улицу...

– Тпру-у-у, Соня! – Илья Поклонов натянул вожжи, остановив телегу возле домишки под соломенной крышею.

В этом низеньком домике с двумя маленькими окошками уютился со всем семейством Ерофей Дудихин. В его же сарае сидел со вчерашнего дня плененный Гурдин, ожидая приезда уездной комиссии.

Из подворотни выскочили две хозяйские собачушки, встречая Илью забористым лаем. Не обращая внимания на собак, Поклонов твердой походкой направился в сени и, найдя дверь, решительно дернул за железную скобку.

К нему уже спешил сам Ерофей, на ходу обтирая руки о распушенную рубаху. Дудихин приветствовал Илью вопросом:

– Новости какие привез, али так, поболтать?

– Поговорить надо, – кивнул Поклонов, – да и новости кой-какие имеются.

Дудихин хмыкнул:

– Ну, проходи тогда. Поболтаем.

Света в маленькой горнице было мало. Чадила в углу под образами зажженная лучина. Жена Дудихина, Ксения, такая же высокорослая как и муж, собиралась стряпать, растапливая печь. Ребятишки, завидев гостя в форменном пальто с петличками, попрятались за занавеской, разделяющей комнату надвое.

Ерофей сгреб рукавом со стола стружки, дунул на табурет и предложил Илье сесть.

– А я вот, кроватку ребеночку лажу, – пояснил Дудихин, – Моя-то, скоро родить должна.

– Правда? Я и не знал.

– Да, – кивнул хозяин, и обратился к жинке, – Сколько там осталось? Неделя, две?

– Где-то так, – равнодушно отвечала Ксения.

– Мальчик, девочка? Который по счету?

– Пятый будет. Думаю, девочка, – отвечала женщина.

– И девочка – тоже хорошо, – подытожил Илья, – Я вот что зашел к тебе, Ерофей.

– Говори, – Дудихин махнул рукой в сторону жинки, мол, не обращай внимания, говори.

– Ты вот тут сидишь, комиссии дожидаешься, а того и не ведаешь, что Филимон с Петрухой измену затеяли, – понизив голос, произнес Поклонов.

– Да как? – отшатнулся Дудихин, выказывая полную неосведомленность.

Ксения, разжигая печь тонкими деревянными щепками, наострила уши.

– Так, – приблизившись к хозяину, прошептал Поклонов, – Хотят оброчную статью прикарманить. Удобный случай подворачивается. Сам посуди: Гурдина, считай, уже нет; тебе исправник, скорей всего, по шапке надает за самоуправство и в статье откажет; и тут они со своим предложением и денежками.

– И откуда ты знаешь? – нахмурился Дудихин.

– Знаю.

Ерофей резко двинул по деревянному столу кулаком и сердито рявкнул:

– Значит, вот кто нынешние беспорядки затеял: Филимон с Петрухой? А я-то голову ломал: почему, вдруг, Гурдин пошел на попятную? Ведь мы с ним, считай, договорились. Уже и половину денег за оброк отдали.

– Они, – подтвердил Илья.

– А ты, значит, по их указке действовал? – Дудихин глядел прямо в глаза Поклонову, – За нашими спинами агитировал. А потом Гурдина в мой сарай сосватал. Подержи, мол, его тут, пока высокое начальство прискачет!

– Прости, Ерофей. Так получилось.

– Иуда! – вскричал Ерофей, – И это не смотря на нашу дружбу! Не смотря на то, что я тебя с малых лет знаю!

Ерофей показал рукой, какого примерно росточку был Илья в те времена. Поклонов же, переждав вспышку гнева, спокойно проговорил:

– погоди, Ерофей. Кулаки потом чесать будешь. Я помочь хочу.

Дудихин вскочил на ноги.

– Почто, вдруг?! И о чем нам с тобой разговаривать, гнилая душа! Наверняка, новую пакость замыслил, ...да?

– Не я, – отрезал Илья, – Филимон с Петрухой. Теперь им надо Гурдина устранить. Причем, практически. Он же в твоём сарае сидит, правильно? А ежели умрет там, ты и виновным будешь. При таком раскладе – оброчная статья с доходами у них в кармане. Причем, с гарантией.

– И ты за этим ко мне пришел? Убить Гурдина? И как ты собираешься его на тот свет отправить?

У печки загремела роняемая на пол посуда. Ксения, с побелевшим лицом, упиралась рукою в бок и хватала ртом воздух, будто выброшенная на берег рыба. Мужчины прервали

разговор и удивленно уставились на женщину. Ерофей сообразил первым и бросился к ней, успев подхватить и бережно усадить на лавку.

– Ты, ... это, ... чего? – с неподдельной тревогою в голосе тараторил он.

– Уж не рожать ли собралась? – произнес Илья, подозрительно глядя на искаженное гримасой лицо Ксении.

Дудихин отмахнулся:

– Рано еще!

– Ерофеюшка, – прошептала Ксения, вцепившись в мужика, – беги за повитухой. Раньше времени решусь, ей Богу.

Баба смотрела на мужа широко раскрытыми глазами, полными отчаяния. На ее лбу выступили крупные капли пота.

– Ну, Господи, – прошептал Ерофей, – Совсем ты не вовремя со своими родами.

Было видно, как он разрывался, не зная как поступить: то ли помогать жене, то ли решать возникшее дело с Поклоновым.

– Беги, говорю, – взмолилась супруга, – Чую, неправильно идет, ножками!

– Вот, не слава Богу! – чертыхнулся Ерофей, бросив жену и начиная лихорадочно собираться, – Илья, ты со мной?!

– Я, пожалуй, здесь останусь, – проговорил Илья, – Пригляжу.

Дудихин, остановившись у распахнутой двери, испытующе посмотрел на Поклонова, мол, ну-ну, пригляди. Потом, не сказав ничего, прошмыгнул на улицу.

В отсутствие Дудихина, Илья поспешил навестить плененного Гурдина.

– Ну что, Иван Дмитрич, неудобно в сарайчике?

Поклонов достал из кармана горбушку хлеба, завернутую в тряпочку, и шмат сала в пергаменте. Все это он выложил на деревянный чурбак пред сидящим в унынии Гудниным. Тот посмотрел на дары и презрительно хмыкнул:

– С какой стати я должен докладывать?

– Да так, – пожал плечами Поклонов, – Я ведь, против вас не имею ничего личного. Тут дело принципа, понимаете?

Илья вынул перочинный ножик и, развернув сало, стал аккуратно нарезать его тонкими ломтиками.

– Какого еще принципа? Ишь, образованный выискался!

– Вы меня плохо знаете. Да и все вокруг, ...хотя думают обратное. Давайте говорить в открытую.

Поповский сын обтер ножик соломой и резко выставил руку вперед, водя лезвием перед носом Ивана Дмитрича. Гурдин отпрянул и нахмурился, пытаясь понять чего от него хотят.

– Скажу прямо: выбор у вас невелик. Вы либо умрете от рук бунтовщиков, либо будете жить долго и счастливо. Оба варианта меня устраивают. Если вы еще не поняли: я имею собственные далеко идущие планы.

– Нет, не понял, – передразнил пленник.

– Объясняю доходчиво, – Поклонов спрятал ножик в карман, – Когда вас освободят, уж будьте любезны, исчезните на некоторое время из города. А лучше – навсегда. Вы мне мешаете.

– Причины исчезновения?

– Сами придумайте. Например, в гости к родственникам уехали, или от долгов прячетесь. А еще я могу пустить слух, что будто вас волки съели, – это самое лучшее.

– Ну-у-у.

– Решайтесь, Иван Дмитриевич.

Поклонов взял ломтик сала, и демонстративно отправил себе в рот.

– И зачем тебе это?

Лицо Гурдина выражало явное недоумение.

– Иеволуция, Иван Дмитриич, – жуя, отвечал карбанарий, – Мадемуазель Иеволуция.

Бывший городской голова сник. Поклонов резко поднялся, собираясь уходить.

– Вы тут пока подумайте, а как выйдете, мы с вами поговорим. Опять же, наедине, без свидетелей.

Бабка-повитуха, взглянув на корчившуюся в предродовых муках Ксению, тут же вытолкала Поклонова, и самого Ерофея за дверь, приговаривая: идите-идите, нечего тут околачиваться, когда надо будет – позову.

Илья, похлопав мужика по спине, тут же уехал, пожелав легких Ксении родов. Дудихин же, понуро кивнув, поплелся от дома прочь, погруженный в недобрые мысли. Поплелся, опустив голову, не разбирая дороги. Остановился он только тогда, когда миновал последнюю избу, и тянувшуюся за ней на половину упавшую изгородь. В этом месте широкая деревенская улица сужалась до размеров трех-четырех тропинок, уходящих в поля. Плотник развернулся на месте, потому как дальше ему идти было некуда. Вряд ли кто-то ждал его в соседней деревне. Единственные родные люди остались в маленькой избенке на два окна, с покосившейся крышею. И сейчас их станет на одного человека больше. А ведь его еще и кормить надо.

Ерофей побрел назад, осознавая тяжесть свалившегося на него бремени.

Тут со стороны деревни показалась громыхающая ему на встречу телега, запряженная низкорослой коренастой лошадкой. В ней развеселые двое: Филимон и Петруха. Филимон о чем-то с увлечением рассказывал, размахивая руками, а Петруха правил вожжами, поддакивая приятелю.

– О, глядилося, сам Ерофей к нам пожаловал! – воскликнул Петруха, разглядев на тропинке Дудихина.

Филимон толкнул его в бок.

– Ты чаво!

– Ничаво! А вдруг, он выпимши? Ишь, стоит как истукан, не шевелится.

Телега сбавила скорость, будто бы надобность, по которой друзья ехали из деревни, резко пропала. Поровнявшись с плотником, Петруха натянул вожжи.

– Как дела, Ерофей Егорович? – деликатно спросил он, – Слышали мы, Ксения твоя рожает. Счастливо разрешиться от бремени!

Дудихин глядел на приятелей исподлобья. Его широкая грудь вздымалась и опускалась, с шумным и грозным выдохом. Приятели быстро изменились в лице и еще больше насторожились.

– Ерофей Егорович? – прошептал Филимон, – Что случилось?

– Случилось, – просопел Ерофей, – Случилось то, что вы, негодяи, затеяли землю у нас отобрать, по тайному сговору.

– Мы? – открыл рот Филимон.

– Да! А еще бывшего голову извести, и на меня всю вину повесить. Не так что ли?

– Упаси, Бог, Ерофеюшка! Да кто тебе такое сказал?!

Упыри истово закрестились. Петруха, при этом, даже снял шапку.

– Так вот я вам сейчас ноги-то повыдергиваю!

Дудихин сжал кулаки и шагнул им навстречу. Удальцов с телеги как ветром сдуло. Оба, не сговариваясь, припустили обратно в деревню.

– Стойте, мерзавцы! Сукины дети!

В своем гневе Дудихин был страшен. Никто из местных не решался вступать с ним в кулачные прения. И Филимон с Петрухой были не исключение.

Ерофей, добежав до ближайшей ограды и, выломав из нее увесистую жердину, погнался за ними дальше, на радость случайным прохожим и зрителям. Все деревенские справедливо полагали, что эти супчики давно напрашивались. Один, за то, что ссужал деньгами за большие проценты, другой – за то, что ему в рот заглядывал. И вообще, за все.

Пробежав всю деревню насквозь, Филимон с Петрухой почти выдохлись. Они едва волочили ноги, то и дело оглядываясь на преследователя. Дудихин и сам подустал, волоча за собою жердь. Однако, никто из троих сдаваться не собирался.

– Сейчас я вас догоню, сволочи! Сейчас! – повторял Ерофей.

– Оступись, Ерофеюшка, – отговаривали его приятели.

– Ни за что, – мотал головою Дудихин, – Вы мне за все ответите, падлы.

– А мы-то при чем? Ежели ты про статью говоришь, то во всем твой Ильюха зачинщик.

Он главный, ... с него и спрашивай.

– Врете, гниды! У Ильюхи хозяйства нет. Зачем ему земля с покосами?

– Вот те крест! – божились пройдохи, – Это он предложил статью отобрать, пока вы с Гурдиным судитесь.

– Не верю. Наговариваете.

Где-то в глубине души, Ерофей все еще верил в порядочность бывшего друга.

Филимон и Петруха доковыляли до середины моста, перекинутого через деревенский пруд, и окончательно выдохлись.

– Не могу больше, – выдохнул Филимон и уселся на доски. Долговязый Петруха, согнувшись пополам, тяжело дышал, держась рукою за бок.

– Ну, все, голубчики! – обрадовался Дудихин, – Попалися!

Незадачливые приятели с тоскою взирали на приближающегося к ним Ерофея, с жердиной наперевес.

– Говорят тебе: не виноватые мы! – в последний раз завопил Филимон и прикрыл руками лысую голову.

– Врете! – замахнулся Дудихин жердиною.

Наверное, Ерофей слишком уж сильно замахнулся. Длинная и тяжелая жердь сыграла с ним недобрую шутку. Влекомый силой инерции, Дудихин полетел с моста и упал в воду. Мост не был огорожен перилами. Он представлял из себя обычные бревна, скрепленные меж собою железными скобами, уложенные на вбитые в илистое дно пруда такие же сваи.

Не ожидавшие поворота приятели оцепенели. Отчаянные всплески и обрывки ругательств вернули им чувство реальности. Платон упал на пузо и перегнулся за край моста, боязливо заглядывая вниз. Внизу, захлебываясь, барахтался Ерофей. Оказывается, он не умел плавать! Бедолага лихорадочно хватал ртом воздух и пытался ухватиться за скользкие деревянные сваи. Но у него не получалось.

– Плато...! Платоша! Богом молю! Помоги! – кричал утопающий, вскидывая из воды руки.

– Чего смотришь! – раздалось сверху.

Платон задрал голову. Долговязый Петруха, с выпученными от страха глазами, тряс головою, показывая приятелю, чтобы тот протянул несчастному руку.

– Не достаю я, – пробормотал Филимон, – У меня руки короткие.

Он пытался схватить за пальцы деревенского плотника, но те раз за разом выскальзывали.

Петруха упал на колени, оттолкнул приятеля, и сам потянулся к Дудихину. Тщетно. Как не старался Петруха, но и ему не хватало какой-нибудь малости, чтобы зацепить Ерофея за шиворот.

К сожалению, второй жердины у приятелей, в данный момент, не было.

Когда последний пузырь воздуха лопнул на водной поверхности, негодяи со страхом огляделись вокруг. Никого. Слава Богу!

– Что делать будем? – спросил Петруха, утирая лицо.

– А ничего, – отвечал Филимон, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

От его былой неуверенности не осталось и следа.

– Одним конкурентом меньше.

– Его же искать начнут. С нас первых и спросят.

– А мы причём? Скажем, что убежали, и всех делов. Али в тюрьму захотел?

– Нет, – швыркнул носом Петруха.

Ему было жаль утопшего плотника. Когда-то давно, лет восемь назад, тот подбил ему на телеге колесную ступицу, не взяв за работу денег. Хотя кузнец отказал, не желая браться за копеечную работу.

– Тогда молчи, дура.

Земский исправник Хлопин, как глава полиции, первым делом доложил о случившихся беспорядках в Кае Слободскому городничему Фон-Людвигу. Городничий, мало удивившись тому, посоветовал не мешкать с разбирательством. Выездная комиссия составлялась в спешке. Вопреки регламенту, все чиновники ссылались на чрезмерную занятость или сказывались больными. Лишь от окружного начальника Чернядьева удалось выцарапать одного из его помощников – коллежского секретаря Воронцова. В итоге, представители власти помчались в город Кай в сопровождении двух унтеров и нескольких нижних чинов из гарнизонной команды.

Голенищев, ведомый жаждой мести за вытерпленные обиды, выдавал по дороге все новые подробности крестьянского восстания.

– Да понял я, понял! – не выдержал Хлопин, – Взбунтовались мужики. Давно такого не было.

– Главное, столько лет договаривались, а теперь – ни в какую.

– Накопилось, – хмурил брови исправник, – Но мы разберемся... Я надеюсь.

– Я больше за Гурдина переживаю, – вздыхал вероломный Голенищев, – Как он там?

Титулярный советник Никанор Михайлович Хлопин, обремененный опытом, хмурился еще сильнее:

– Ты вот мне скажи лучше, там местные воду мутят, али, не дай Бог, из пришлых кто? Беглых нету у вас?

Голенищев пожал плечами:

– Вроде, нет. Не замечал. Разве что Поклонов Илья. По случаю смерти матери приехал из города. Но он из местных.

– Да? Иначе, смотри у меня, – проворчал Хлопин.

– Что вы, ваше благородие.

Хлопин покачал головой.

– Все так говорят. А того не знают, что ежели мужики по темноте своей бунтуют, сами по себе, – то это одно. Другая песня, – под предводительством профессиональных провокаторов. Тут дело в другую плоскость перетекает. Политическую.

– Наверяд ли, ваше благородие. Нет там никакой политики.

– Как знать, – усмехался исправник, – Политика – она во всем есть, стоит только копнуть.

Голенищев озадаченно хмыкнул. Не в его интересах было копать. Ведь одного такого «пришлого» он только что в лесу схоронил. А вдруг, и он к этому делу причастен? В итоге, окажется Николай Васильевич дважды виновен. И в том, что обнаруженный труп утаил, и что земельный конфликт из-за его неумелых действий разгорелся. Ведь в самом деле, подумал пристав, когда не получилось договориться с мужиками о межевании, надо было сразу в уезд докладывать, а не выдумывать аферу с Гурдиным.

– Точно, нет, – отрезал пристав.

Никанор Михайлович внимательно посмотрел на Голенищева и, словно бы угадав его потаенные мысли, погрозил пальцем:

– Смотри, Николай Василич! Проведаю, каким ты боком замешан, – наказание будет суровым.

Голенищев обиженно хмыкнул.

– Ты точно мужиков не обижал?

Голенищев судорожно замотал головою, мол, что вы, ваше благородие, как можно!

– Все равно узнаю, – промурлыкал Хлопин, приглаживая ладонью усы.

– И, кстати, почему не по форме докладывал? Фуражка твоя где?

Плененного Гурдина нашли в Нелесовской деревне. Почему деревня называлась Нелесовской? Наверное потому, что вокруг нее никакого леса и не было. И уже давно, лет двадцать как. Мужики весь лес порубили на дрова и пожгли на уголь с целью продажи, дабы уплачивать подати. Уголь возили на соседние железодельные заводы, а дрова – на солеварные заводы в ту же Пермскую губернию. Прочие же деревни, по части мужиков, как сезон – уходили тянуть баржи на Каму. И других способов для заработка не предвиделось. Из всего обширнейшего Слободского уезда Вятской губернии Трушниковская волость считалась самой, что ни на есть, разбеднейшей. Всем это было известно, однако налогов, как говорится, еще никто не отменял.

Бывший арендатор Гурдин, отсидев четыре дня в амбаре у запропавшего неизвестно куда крестьянина Дудихина, на момент приезда судейской комиссии чувствовал себя хорошо. И по освобождению отзывался о своих мучителях только с положительной стороны. Акромя того случая его больше не били и по местным меркам кормили сносно. Вся суть его содержания в плену заключалась, исключительно, в нравоучительных беседах со стороны представителей деревенского сообщества на предмет его окончательного морального перевоспитания. В итоге, Иван Гурдин дал мужикам подписку о том, что никакого побоища вовсе не было и что претензий к своим, якобы обидчикам, не имеет.

Исправник Хлопин, по приезду в деревню, тут же затребовал немедленного освобождения Гурдина. Даже не стал вникать, что да как. Местные возражать не стали, и выдали пленника без проволочек.

– Странно как-то, – не переставал удивляться Голенищев, по обратной дороге в Кай.

– А ты что хотел?! – самодовольно провозглашал Хлопин, – Они же видят, что мы – власть. К тому же, их так называемые шалости – подсудное дело. Испугались.

– Чувствую подвох, Никанор Михайлович. Я это мужичье хорошо изучил. К тому же, тот самый Дудихин, одним из зачинщиков был, и больше всех разбирательства ждал. Ему бы ответ держать, а его нет...

– Брось, Николай Василич. Не выдумывай. Арендатор оброк в казну заплатил, к обидчикам претензий не имеет, – исправник потряс перед носом Голенищева бумажкой с отказом, – Ну а беглого мужика ты найдешь. Сам и накажешь, по своему усмотрению. Так и быть, даю тебе такое исключительное право.

Гурдин, несмотря на счастливый исход, сидел хмурый и подавленный. Его, кажется, еще и знобило. Кутаясь в выданный кучером подорожный тулуп, бывший голова дрожал от холода.

– Я прав? – обратился к нему Хлопин.

– Как скажете, ваше благородие, – отвечал тот.

– Ты чем-то недоволен, уважаемый?

– Нет, просто неважно себя чувствую. С желудком что-то, ...наверное.

Хлопин понимающе кивнул и больше не тревожил бедолагу вопросами.

– Осталось о межевании договориться, – нарушил молчание Воронцов.

– Верно, Василий Гаврилович, – спохватился исправник.

– Я, извиняюсь за самоуправство, сельский сход на завтра назначил.

– Слышишь, Голенищев! Утром обратно в деревню поедешь и закончишь начатое.

Становой приглушенно воскликнул:

– А надо ли мне? Я ж давеча от них еле вырвался!

– А кому, мне что ли ехать? – удивился Хлопин.

– Не знаю, Никанор Михалыч.

– Ну, ты и жу-у-ук! Вот как есть – жучара!

Но назавтра никто ни в какую деревню уехать не успел. Мужики, чуть свет, пришли сами. Возглавлял делегацию заменивший Дудихина Карпов – худощавый мужик с бледным вытянутым лицом, – вылитый Аввакум, не иначе.

– Вот мы что надумали, – начал он, обращаясь к исправнику, – Ежели так дело пошло, полумерами не отделаешься. Ты нам всю Камскую статью подавай. А коли согласен, – сразу и размежуем, по новому.

Хлопин, вкушавший утренний кофий, поперхнулся.

– Это как?

– А по восьмой ревизии, как обещали. Давно обещали, но дальше обещаний дело не идет. Уж который год. Может, забыло про нас уездное начальство?

– Я, ...это, ...не совсем в компетенции, – озадаченно бормотал Хлопин, – У меня полномочий нет. С этими вопросами надобно в палату...

– Вот ты, как заступник, и обратись, – учтиво молвил протопоп, – когда в Слободской вернешься.

– Э-ка! – воскликнул Хлопин, – Вы мне бумагу напишите, а я передам.

– Написали ужо, – кивнул Карпов, протягивая бумажку.

– Постойте! – воскликнул Голенищев, – Это что ж получается?! Ежели по новому делить, то заливные луга, что нынче по статье проходят, целиком к вам отойдут?!

Карпов кивнул:

– Так мы и говорим, чтобы нам оброчную статью всю возвернули. Как раньше было, когда мы туда скот выгоняли. Ведь Гурдин у нас пастбища отнял, поэтому нам собственных починков не хватает.

Никанор Михайлович, кажется поняв о чем идет речь, остановил Карпова:

– Значит, вы хотите все! Правильно я понимаю? Забрать статью, вернуть пастбища, оставить за собою починки...

– Правильно, Ваше благородие! Мы всю жизнь с этой земли кормимся! И отцы, и деды наши спины гнули! – одобрительно загудела делегация.

– А оброк платить кто будет? – удивился Хлопин, – Вы ж кричите, что денег нет! И арендатору возмещать отказываетесь.

– А мы из принципа, – ухмыльнулся Аввакум, – Раз Гурдин нас за людей не считает, то и мы так же.

– То есть, – резюмировал Никанор Михайлович, – ежели Камскую статью вам отдадут, то платить обязуетесь исправно?

– Точно так, Ваше благородие, – утвердительно кивнул протопоп.

– Вре-е-е-ешь, дядя! – воскликнул становой, подскочив к Карпову, – Я вас насквозь вижу! Мне Иван Дмитрич все докладывал. Вы, давеча, ему взятку давали. Дескать, возьми, Христа ради, насобирали по деревням сколь смогли! ...Нет у вас денег, и взять их не откуда!

– Ах ты, гнида! – замахнулся мужик, – Мало тебе...

– Во, видали, Ваше благородие! – Голенищев отскочил в сторону, – Как я и говорил! Они овечками только прикидываются. А дай волю – съедят, не побрезгуют.

– Однако, – выдохнул Никанор Михайлович.

Все замолчали. Коллежский Воронцов стоял в уголке и равнодушно поигрывал серебряным портсигаром. Пристав, злобно урча, искоса поглядывал на обидчиков. Исправник Хлопин, погрузившись в раздумья, пощелкивал пальцами, готовясь принять единственно правильное решение.

– Пожалуй, мы вот как поступим.

Все затаили дыхание.

– Я передам вашу просьбу о новых наделах и Камской статье по инстанции. Это, во-первых. Во-вторых, попытаюсь закрыть дело об избиении и незаконном лишении свободы арендатора Гурдина. А пока вы, граждане селяне, во исполнении прежних инструкций поможете землемеру в установлении прежних границ самовольных починков, дабы придать им узаконенную форму. Замечу, что только после этого можно разговаривать о новом контракте на оброчные земли. Всем понятно?

Протопоп Аввакум в задумчивости потрепал реденькую бородашку и сказал:

– Это что ж получается? Опять на потом откладываете? А прямо сейчас не хотите?

– Я же все объяснил, – развел руками исправник, – По-другому никак.

– Нет, значит?

Карпов тяжело вздохнул.

– Значит, и мы – нет, Ваше благородие.

– Помилуйте, – справился с оцепенением Хлопин, – Я трижды иду вам на уступки. Почему же «нет»?

– Не хочется нам, господа хорошие, на те же грабли ступать.

– Ну-у-у-у, – разочарованно протянул Никанор Михайлович, – тогда я не знаю, что вам еще предложить.

– А не надо ничего, – ухмыльнулся Карпов, – Мы обещаниями сыты. На сей раз по-нашему будет.

– Тогда я пишу рапорт в губернию, – нарочито равнодушно протянул исправник, – Напишу, что компенсацию пострадавшему арендатору платить отказываетесь и вообще... У вас тут бунт?!

Похоже, исправник и сам не поверил тому, что секунду назад слетело с его языка. Аж побелел.

– Пишите, Ваше благородие, – пожал плечами Карпов и направился к выходу, – Нам терять нечего.

– Абсурд, – выдохнул титулярный советник, провожая взглядом разношерстную делегацию.

Пару недель спустя

– Да куда мы пойдем? Болото же там!

– Говорю тебе, мы в само болото заходить не будем. По краю пройдем, по тропиночке. Аккурат к Глашкиной поляне и выйдем.

Деревенские бабы, одна – высокая и худая, а другая – меньше ростом и толстая, спорили меж собою, стоя у края дороги с большими корзинами. Тощая не хотела даже приближаться к болоту; толстая, чья корзина была чуть ли не больше ее самой – настаивала рискнуть, и попытаться счастья на Глашкиной поляне, невдалеке от дьявольских топей.

– А я говорю, – нету там грибов. Никогда и не было! – кричала одна.

– Да что вы говорите! – не сдавалась другая, – Я сколько там с Ильиничной хаживала, всегда грибы были.

– Так и шла бы с Ильиничной.

– Так и пошла бы. Только скрючило ее. На Феклу-свекольницу так навпахивалась, что не разогнуться старухе.

Тощая топнула ножкой, потеряв терпение.

– Все! В последний раз с тобой иду, бесстыдница.

– Это чаво же я бесстыдница?

– А то, что врешь самым бесстыдным образом.

– Это чаво же я вру?

– Хватит! Найдем на болоте бруснику – будем ее собирать. А на поляну идти мне не хочется. Все равно – без толку.

Тощая баба развернулась, и сама ринулась в чащу. Маленькая, подобрав корзину, полезла за ней.

– погоди, Матрена. Я тропинку знаю, дай первой пойду!

У края болота бабы остановились.

– Ой, что это?!

Маленькая поддела палкой валяющуюся в траве холщовую сумку.

– Котомка чья-то, – выдавила Матрена.

– Сама вижу. Откуда? Чья?

– Леший обронил. Он же тебя надоумил в эту сторону топать. Вот и знак тебе подает.

Маленькая перекрестилась.

– Чур меня, чур!

– Открой, да посмотри, – посоветовала тощая.

– Не-а, боязно, – прошептала толстая.

– Так я сама посмотрю.

Матрена опустила на колени и, словно боясь испачкаться, взяла сумку за самые краешки.

– Ну, что там? – не вытерпела толстая.

– Ничего, – ответила тощая, – Ерунда всякая. Но хозяин ее – мужик.

– Точно?

– На, смотри.

Матрена продемонстрировала подруге рубаху с заплатами.

– Леший, я же говорила.

– Да не пугай меня! – воскликнула толстая баба, – Я пуганая. Пойдем-ка дальше своею дорогою. Мало ли что тут валяется. Пьяный обронил, или странник какой.

– Не думаю...

Глаза Матрены стали расширяться от ужаса. Булькающая ядовитыми пузырями, раздуваясь как огромная жаба, из болота поднималось нечто, похожее на неоднократно упомянутого Матреной лешего.

Наученный опытом деревенский староста Иван Фомич в нынешние беспорядки не вмешивался, и в спорных вопросах раздела земли держался особняком. Местные жители доверяли ему, потому что знали: своих он не выдаст, а земское начальство для него все равно что муха в пододеяльнике – подцепил ладошкой вместе с молочком, да и выбросил.

Староста сидел на завалинке, поглаживая окладистую бороду. День выдался ясный, безветренный. Еще пару деньков, и можно овсы собирать. Благодать неопишная.

Ага, не тут то было! По дороге, со стороны леса, прибежали две бабы – Матрена с Полиною. Обе растрепанные и перепуганные не на шутку, будто медведь за ними гнался.

– Иван Фомич! – затараторили бабы наперебой, – Беда! Там, из болота, леший вынырнул! Да не леший, а утопленник! Молчи, дура, я своими глазами видела! Сама молчи, я тоже видела, утопленник это!

– Тихо! – прервал их староста.

Словам вертхвосток нельзя было верить. В лучшем случае – наполовину. Что одна, что другая, славились на деревне своей склочностью и скверным характером. Обе были без мужиков: у одной уже помер, а у другой в солдатах. Еще и бездетные. В общем, без пригляда и семейных обязанностей – полный набор к совершению глупостей.

– Дуры вы обе! – нахмурился староста, – Кто ж на Евтихия далеко от дома выходит! Тем более – в лес, по грибы да по ягоды. Вот с мертвяком и встретились.

Матрена ткнула толстую в бок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.